

Лев

Рубинштейн

Словарный

запас

CAIOru
INSTITUTE

НОВОЕ
издательство

Лев Семенович Рубинштейн

Словарный запас

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=287762
Словарный запас: Новое издательство; М.; 2008
ISBN 978-5-98379-112-1

Аннотация

Книга «Словарный запас» представляет своего рода словарь современной политической культуры, в котором статьи поэта и эссеиста Льва Рубинштейна иллюстрируют ключевые понятия общественной жизни сегодняшней России.

Содержание

Азбучные истины	4
[Аполитичность] Ни слова о политике	7
[Большинство] Большинство подождет	12
[Выборы] Отдать голос?	16
[Герои] Знакомый до слез	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лев Семенович Рубинштейн Словарный запас

Азбучные истины От редакторов

– Ах, какое красивое это новое платье короля! Как чудно сидит! Какая роскошная мантия!

Ни единый человек не сознался, что ничего не видит, никто не хотел признаться, что он глуп или сидит не на своем месте. Ни одно платье короля не вызывало еще таких восторгов.

– Да ведь он голый! – закричал вдруг какой-то маленький мальчик.

– Послушайте-ка, что говорит невинный младенец! – сказал его отец, и все стали шепотом передавать друг другу слова ребенка.

– Да ведь он совсем голый! Вот мальчик говорит, что он совсем не одет! – закричал наконец весь народ.

Эти строки Андерсена могли бы стать эпиграфом к насто-

ящей книге, объединившей эссе Льва Рубинштейна, которые публиковались им в последние годы на сайте Грани. Ру. Мы расположили эти тексты не в хронологическом порядке, который читатель легко восстановит с помощью собственной памяти или Интернета, а в виде своеобразного словаря современной политической культуры, толкующего ключевые понятия сегодняшней общественной жизни (вынесенные нами в дополнительные «надзаголовки»). Но дело не только в том, что статьи Рубинштейна посвящены самым разным событиям и темам, близки по объему и отстоят друг от друга на более-менее схожие промежутки времени, образуя тем самым объемную картинку эпохи. Сама природа этих текстов связана со словарной формой, предполагающей разговор «без кавычек», разговор, в котором вещи называются своими именами.

Предъявленная в этих эссе авторская стратегия, на первый взгляд, разительно отличается от того, что Рубинштейн делал в своих поэтических текстах, давно ставших классикой русской словесности. Воспроизводящая или имитирующая обрывки разговоров, речевые и интонационные клише, в советскую эпоху поэтическая речь Рубинштейна решительно избегала прямого высказывания, обсуждения «текущего момента» и была предельно далека от публицистического пафоса. В новейшее время уже сам Рубинштейн стал публицистом, говорящим о само собой разумеющихся, казалось бы, вещах: человек важнее государства, насилие не имеет оправ-

даний, истинный патриотизм не бывает показным...

Но это мнимая метаморфоза. Изменился не Рубинштейн – изменилась эпоха, и в новых исторических обстоятельствах автор находит другой способ разговора, который опять ставит его в привычные условия сопротивления материалу – общим местам языка и общественного сознания. В позднесоветские годы таким способом была речь, в которой не находилось места для авторского «Я»: возможность прямого высказывания была скомпромитирована разлитой в воздухе фальшью лозунгов и передовиц. Сегодня, когда лозунги сменились всеобщим безразличием и апатией, иронией и отстранением, – это существующая где-то между мемуарным очерком, письмом к другу и тостом литература прямого высказывания, ставшего вдруг дефицитом, это синтаксис без извинительных вводных слов, пунктуация без скобок с оговорками, лексика без уже упоминавшихся кавычек. Напоминание об азбучных истинах, генеалогия которого восходит к андерсеновской сказке о платье короля. У Андерсена произнести вслух простые и честные слова решился только маленький мальчик. Сегодня в схожей ситуации их произносит взрослый человек, к тому же – замечательный писатель. Нам остается его услышать.

[Аполитичность] Ни слова о политике

Именно так было начертано на самодельном плакате, в течение нескольких лет провисевшем на стене в мастерской моего друга, художника. Это было в 70-е годы. Друг мой не то чтобы особенно боялся. То есть, разумеется, чуть-чуть не без этого: человек он был общительный, и в мастерской его постоянно ошивалась всякая публика, иногда совершенно случайная. Но главное было в другом: политика и разговоры о ней казались ему невыносимо скучными и никчемными.

Надо ли говорить о том, что его призыв если и достигал какой-либо цели, то скорее обратной. И дело не только в том, что любой разговор рано или поздно обязательно сворачивал на что-нибудь «этакое». Дело, главным образом, было в том, что манифестируемая моим товарищем аполитичность как раз и была самой что ни есть политикой. В те времена, когда каждая, казалось, молекула несла в себе мощный идеологический заряд, любой человеческий жест воспринимался как жест либо «за», либо «против». А слово «аполитичный» было чуть смягченным синонимом слова «антисоветский». Фраза «аполитично рассуждаете, гражданин» звучала довольно-таки зловеще. Знакомый рассказывал, как однажды его вызвали в школу, где училась его дочь. Завуч сре-

ди прочего говорила: «Понимаете, не знаю даже, как сказать поточнее. Но вот у вашей Кати выражение лица часто бывает какое-то несоветское». Сегодня объяснить, что значит «несоветское выражение лица», практически невозможно. А тогда это было очень даже понятно.

Но мы политикой не интересовались, и это было сознательной позицией. Именно аполитичность и была пусть и пассивным, но сопротивлением. Это четко осознавали мы, и это четко осознавали «они», видя наши «несоветские выражения лиц».

Впрочем, все это было давно. А теперь, как известно, – другие времена. Совсем другие, уже хотя бы потому, что упомянутая мною ситуация с аполитичностью советских лет развернулась буквально на 180 градусов. «Ни слова о политике» – это главный лозунг теперешней государственной идеологии. А другого – нет и быть не может. Ибо нынешняя власть испытывает огромный, зияющий дефицит идеологии. То есть похоже на то, что у нынешней власти никакой идеологии нет вообще, а потому ее риторика являет собою малосъедобную кашу из взаимоисключающих компонентов – от ультралиберальных и рыночных до державно-имперских. Поэтому именно аполитичность – это нынешний мейнстрим, сознательно и целенаправленно поощряемый и культивируемый кремлевским агитпропом. Аполитичность – это, если угодно, и есть сегодняшний конформизм.

В далекие советские времена высказывание Бертольта

Брехта о том, что «для искусства беспартийность означает принадлежность к господствующей партии», казалось мне верхом упертости и нелепости. Сегодня эта фраза звучит совсем по-другому. Нормально звучит. Во всяком случае, есть о чем подумать.

Да, я продолжаю полагать, что политика неинтересна, тупа и безрадостна. Особенно в периоды «стабильности», когда она является нам в виде таких искрометных телезрелищ, как задушевные беседы главы государства с выпускниками военных академий. Но получается, что официальная, гламурная, лоснящаяся аполитичность еще тупее и куда позорнее.

Всегда были люди, – есть они и теперь, – умевшие читать партийные газеты между строк. Умевшие с большой степенью вероятности предсказывать новые назначения или изгнания по тому, кто с кем рядом стоял на Мавзолее или в каком порядке перечислялись имена тех, кто «встречали высокого гостя». Мой приятель, политический журналист с довольно сильным филологическим бэкграундом уверял, что драматургия кивков, шепотков и переглядываний в «коридорах власти» не менее захватывающая, чем Шекспир или Достоевский.

Не знаю, все может быть. Но я этим языком не владею, и мне он неинтересен.

Но бывает так, что ты вдруг зачем-то понадобишься политике, и она начинает говорить с тобой на твоём языке.

Обычно это бывает раз в четыре года, когда тебя начинают кормить демьяновой ухой, когда назойливо зовут к столу, покрытому аккуратной скатеркой. Когда тебе вручают какую-то бумажку и показывают, в какую щелку ее совать. Ну вот, говорят тебе, спасибо за внимание. Извините, говорят, что побеспокоили. Завтра, говорят, у нас новая жизнь. «А у нас?» – тревожно интересуешься ты. Но тебя уже не слушают. Все, все, проходи, мешаешь, иди домой – мы там тебе сатиру-юмор-мультики включили. Будет надо – позовем.

А иногда политика начинает так заниматься лично тобой, что ты вскакиваешь и несешься к радиоприемнику, или ныряешь с головой в мутную зыбь Интернета, или – пуще того – выбегаешь на улицу, размахивая лоскутом мануфактуры соответствующего случаю размера и расцветки во вкусу и сезону.

Политикой я не интересуюсь. Но что считать политикой? Если политика – это когда участковый рвется в твою квартиру с целью «проверки паспортного режима», то не интересоваться этим довольно затруднительно. Если политика – это захват заложников, взрывы домов, бомбардировки городов и зачистки сел, то не замечать это – есть безусловный признак социального аутизма.

А если политика – это отчетный доклад генерального секретаря на очередном съезде, то нормальный человек хотя бы из чувства умственной гигиены плотно закроет глаза и уши. И если политика – это совокупность и взаимодействие раз-

ного рода шкурных интересов разного рода лиц, называемых «политиками», то вот это – уж извините – к нормальному человеку отношения иметь не может.

Впрочем, не только слово «политика» требует разъяснений. Что подразумевается под понятием «нормальный человек», тоже не вполне понятно. Всегда хочется думать, что это ты и такие, как ты. Такое определение в силу предельной субъективности довольно зыбко. Но другого-то все равно нет.

[Большинство]

Большинство подождет

Нашел среди своих старых записей пару абзацев, заготовленных уж не помню для какого случая. Так получается, что именно для этого случая. Фрагмент не датирован, но по его тональности можно примерно определить, что написан он года четыре тому назад. Вот он.

Что-то стало происходить в последнее время. Какие-то стали намечаться тонкие, но заметные трещинки на поверхности того общественного организма, которое принято называть «культурным сообществом». Либеральные ценности лишь в последние годы стали кое-как утверждаться в несбалансированном общественном сознании. С одной стороны, власть по традиции пытается все держать под своей опекой и под своим контролем. С другой стороны – невиданная свобода. Свобода немыслима без чувства ответственности. А с этим-то как раз большие проблемы. Когда часть интеллектуального сообщества стала воспринимать идеи либерализма как что-то скучное, рутинное, лишенное креативной энергии – это знак того, что либерализм все-таки усвоен или что он хотя бы пустил корни. Но корни эти, мягко говоря, недостаточно глубоки для того, чтобы игры «одаренных натур»

то в умозрительную фашизоидность, то в стилизованную ностальгию по «великой державе» воспринимались как вполне невинные. Но что же делать, если у нас действительно «особый путь»? И действительно любые идеи, в том числе и художественные, обладают удивительной способностью мутировать в идеологию.

Надо же! – подумал я. – Это же совсем недавно. Какие же это, оказывается, были еще идиллические времена. Еще и понятие «культурное сообщество» существовало тогда. И само «сообщество» не стало еще анахронизмом. И слово «свобода» писалось и произносилось тогда еще без кавычек. И многочисленные участники разговора еще спорили, а не ругались. А если и ругались, то все равно на взаимопонятном языке. И, даже ругаясь, исходили из некоторого набора общих для всех аксиом.

Теперь упомянутые мною «тонкие, но заметные трещинки» незаметно для глаза превратились в зияющие расщелины. Недавние собеседники и оппоненты превратились в «идеологических противников». А остервенение, одичание, особачивание полемического дискурса стало рутинной нормой. И не какие-нибудь альтернативно одаренные селигерские тинейджеры, а люди, вроде бы образованные и искушенные, совсем перестали стесняться и легко обходятся без стыдливых кавычек, употребляя такие выражения, как «пятая колонна», «враги государства», «малый народ» или «ин-

тересно, сколько тебе заплатили за...».

Не только перестали стесняться, но и наполнились сладо­страстной горделивостью от полного своего отождествле­ния с властью. Подобно маленьким шпанятам моего детства, льнущим к пацанам постарше, особенно к тем, у кого перо в кармане, а также «кепка набок и зуб золотой», им хочет­ся прислониться к силе. Некоторые из них окончательно по­плыли рассудком после того, как им дали потрогать бицепсы у одного дзюдоиста.

Они стали говорить «мы». Ну что же. Когда я слышу что-нибудь вроде «наших стратегических интересов», «на­ших военных достижений», «наших цен на наши энергоре­сурсы» или «нашего симметричного ответа зарвавшимся ат­лантистам», мне хочется спросить: «Так это все вы, ребята? Это вы, оказывается, поубивали столько народу в своей соб­ственной стране? Это вы обнимались с Риббентропом? Это вы переселяли целые народы с места на место? Это вы, что ли, раздавили танками Пражскую весну? А тысячи мальчи­ков были отправлены на верную погибель в Афган и Чечню тоже вами? Это вы все эти годы только и делали, что вдали, подличали и хапали все, что плохо лежит. Что хорошо лежит – тоже хапали. Все это вы?» Ответ знаю. Это не вы, разуме­ется, – как можно. А вы, видимо, это те, кто победил в са­мой страшной войне, кто вывел на околоземную орбиту Бел­ку со Стрелкой и кто написал «Ленинградскую симфонию» и «Доктора Живаго». Ни то ни другое – не вы. Так что не

надо «мыкать».

А еще немислимая для интеллектуала апелляция к большинству. С каких это пор, господа, статистическое большинство стало в вашем представлении «народом», а критически мыслящее меньшинство – едва ли не врагом этого самого «народа»? «У нынешней власти поддержка большинства населения», – говорят они. Ну и аргумент, скажу я вам. Ну и что, что поддержка большинства? У любой власти поддержка большинства. На то она и власть. На то оно и большинство. А то, что у «власти козлиной козлят миллионы», я знаю давно, с ранней юности. Столь же давно я знаю горькую и беспощадную чеховскую цитату о том, что «дело не в пессимизме и не в оптимизме, а в том, что у девяноста девяти из ста нет ума». Так было во все времена и во всех, кстати, странах и континентах.

И вот еще касательно «большинства». Некоторые восточные сказки заканчиваются неким элегантным эвфемизмом. Герой такой сказки после того, как он победил всех многочисленных врагов и преодолел все препятствия, «жил долго и счастливо, пока не присоединился к большинству».

Не знаю, кто как, но я присоединиться к большинству не спешу. Ни в том, ни в каком другом смысле. Чего и вам желаю.

[Выборы] Отдать голос?

Неправильно полагать весь советский период стилистически однородным. Нет, многое менялось, причем существенно. Стилистически видоизменялись официальная риторика, символика, иконография.

Не менялась лишь – во всяком случае, по моим ощущениям – стилистика избирательных кампаний. Не менялась десятилетиями. Похоже, что агитпропу недосуг было уделять внимание такому ничтожному предмету, как выборы, постепенно ставшие рудиментарным отростком советского бытия, бледным ритуалом, изначальная абсурдность которого с годами становилась все очевиднее и нагляднее. Одни и те же плакаты, где представители всех слоев новой общности советских людей – мускулистый блондин в синем комбинезоне (рабочий класс), румяная обветренная молодуха (колхозное крестьянство), дядька в двубортном костюме, в очках и при галстуке (трудовая интеллигенция) – в едином патристическом порыве голосуют за нерушимый блок коммунистов и беспартийных. Один и тот же мутноватый портрет насупленного мужчины – кандидата в депутаты в местные или не местные Советы. А под типовым портретом – типовая биография представителя славной рабочей династии: «Со всем еще зеленым пареньком придя на родной завод... Зорко охраняя рубежи нашей Родины... Пройдя нелегкий путь

от простого слесаря до сменного мастера...» Десятилетиями не менялось оформление агитпункта. Над его дверями всегда висел выцветший кумачовый прямоугольник с надписью «Избирательный участок номер такой-то», украшенный по периметру электрическими лампочками. Что-то елочное было в этих лампочках, что-то трогательно старомодное – видимо, привет из далеких 20-х годов, когда до электрификации всей страны было еще дальше, чем до коммунизма, а вот на электрификацию отдельно взятого избирательного участка в отдельно взятом сельском клубе лампочек кое-как хватало.

По поводу советской избирательной системы существовало множество шуток. Ну, не в сталинские, конечно, годы – там, пожалуй, пошутить. А вот при Хрущеве, помню, такой был, например, анекдот. Сотворив из Адамова ребра Еву, Бог ставит ее перед Адамом и говорит: «Ну вот, Адам, выбери себе жену». Так шутили над однопартийной системой. А еще было малоприличное двусстишие «Голосуй, не голосуй. Все равно получишь понятно что». Кстати, этот бодрый слоган отличным образом дожил до сегодняшних дней, ничуть не утратив своего вечнозеленого очарования.

Голосовать, впрочем, исправно ходили. Вставали в воскресенье с утра пораньше, принаряжались, шли семьями в ближайшую школу, где и размещался избирательный участок, деловито исполняли гражданский долг и степенно разбредались кто куда под оглушительные звуки «Марша энту-

зиастов».

В детстве я это дело просто обожал, как, впрочем, и большинство детей. Еще бы – много красного цвета, музыка из громкоговорителя, концерт школьной самодеятельности, буфет с лимонадом и кремовыми пирожными, книжная лавка, где однажды мне был куплен «Том Сойер». А самое главное – мне было доверено всунуть сложенную вдвое бумажку в драпированный кумачом фанерный ящик. Ящик назывался урной. Это уже гораздо позже мое воображение стала занимать неясная, но глубинная метафизическая связь между всеми тремя функциональными значениями слова «урна». Это уже позже я стал задумываться над фатальным смыслом идиомы «отдать свой голос»: как это взять да отдать, а без голоса-то как же? А тогда, в детстве, была лишь чистая радость от прикосновения к торжественному и значительному взрослому миру.

Пытаюсь вспомнить, сколько раз я участвовал в выборах в качестве сознательного гражданина. В послесоветских – раза три, тогда же, когда и все. Однажды, как и всем, пришлось «голосовать сердцем». Когда же пришло время голосовать головой, я с этим делом как-то завязал.

А в советские годы – помню точно – я голосовал ровно один раз, когда мне исполнилось восемнадцать. С того раза я прекратил эти игры по вполне идейным соображениям, доводя до слез мою бедную, битую жизнью маму. Мамина тревога была не вполне напрасной: в те годы любой жест пони-

мался только как жест «за» или жест «против». Неучастие воспринималось как форма нелояльности. Это не то что теперь, когда твое участие или неучастие в этом всенародном торжестве «суверенной демократии» ровным счетом никого не колышет. В этом, собственно, и есть разница между тоталитарным режимом, требующим безусловного соучастия всех во всех заводимых властью ритуальных песнях-плясках, и режимом авторитарным, где ты просто ни на хрен никому не нужен. Ну, не придешь ты на выборы! Так оно, может, и к лучшему – только зря натопчешь. А если не только ты не придешь? А если многие не придут, то что тогда? А ничего, ты не беспокойся – на этот случай уже и закончик заготовлен. Так что как хочешь – у нас все же демократия, не забывай. У нас, если ты забыл, имеет место «разделение властей». Нет, говоришь, никакого разделения? Да как же это нет, когда все буквально ветви безусловно *разделяют* все явные и тайные мысли и чаяния ствола. Так что вот.

Так что с выборами, с нормальными человеческими выборами как-то все не складывается у нас. Зато у каждого из нас есть выбор – личный, персональный, индивидуальный. Впрочем, он был всегда.

[Герои] Знакомый до слез

Вообще-то я телевизор не смотрю. А вот в воскресенье вечером зачем-то включил. И, прямо как в доброй сказке, был немедленно же вознагражден за свою решительность удивительным сюжетом. Первый канал показывал и рассказывал про то, как наш президент посетил город своей мятежной молодости – город Дрезден.

Главное в сюжете – интонация. Теплая, душевная, ничуть не бравурная, можно сказать пастельная. С «живинкой и человечинкой». «Владимир Путин гулял по Дрездену, заходил в пивные, разговаривал с местными жителями на их языке – в общем, вел себя так, как ведут себя в одном случае – в том редком случае, когда возвращаются в свою молодость», – не без лирической «грустинки» начал автор сюжета. «Как в стихотворении: „Я вернулся в свой город, знакомый до слез...“» – продолжил он вкрадчиво. Я, признаться, вздрогнул, вообразив себе, что почувствовал бы Мандельштам, если бы ему дано было знать заранее, насколько издевательски-безжалостными могут оказаться извивы истории, когда его строки и его судьба с невыносимой легкостью смогут подверстываться к чему и к кому угодно, в том числе к усердным ученикам и наследникам убившей его системы. Впрочем, дальше я вздрагивать перестал, ибо следующим, что я услышал, было: «Это тоже старая русская традиция:

юность в Германии». Так, понятно: «с душою прямо Геттингенской», Ленский, Веневитинов, любомудры, КГБ, Штази – нормально. Обаятельно для тех, кто понимает.

После Мандельштама и «юности в Германии» не мог не последовать Достоевский: «Между двумя протокольными встречами дрезденец из Питера нашел время, чтобы открыть памятник известному на весь мир земляку, который город на Эльбе знал не хуже, чем город на Неве. Писатель бежал сюда от долгов, а нашел вдохновение. Наброски к роману „Бесы“ были написаны в Саксонии, здесь же у Федора и Анны Достоевских родилась дочь. Валерия Шелике из Немецко-российского института культуры давно заметила, что у Дрездена Достоевского и Дрездена Путина часто пересекаются адреса». Понятно? У автора «Бесов» и у мелкого шпиона бесовского государства «пересекаются адреса». В общем-то тоже нормально. Автор сюжета, насильственно привлекая на свою сторону и на сторону своего героя имена и реалии отечественной и мировой культуры, преследовал одну цель: встроить образ героя в почтенный культурно-исторический контекст. Ряд получился ничего себе – вполне репрезентативный: Достоевский, Мандельштам, Путин. «Гомер, Милтон, Паниковский».

Культурка культуркой, а душевность душевностью, но портрет не может быть полным без героической составляющей. Президент все-таки, а не какой-нибудь Достоевский.

И вот мы узнаем новые, леденящие душу фрагменты слав-

ной президентской биографии:

Когда в 89-м толпа в соседнем квартале громила здание Штази, министерства госбезопасности бывшей ГДР, другая колонна шла сюда. В Штази был страшный погром, люди переворачивали сейфы, жгли досье и фотографии, все искали папки с осведомителями. Решили, что надо идти к русским, брать их архив.

Толпа окружила здание, и кто-то позвонил в дверь флигеля. Вот она, ее с тех пор и не красили. Но ни в дом, ни даже во двор никто не вошел. На пути демонстрантов вдруг появился светловолосый сотрудник с пистолетом в руках. Он спокойно оглядел толпу, поздоровался и на хорошем немецком сказал – это советская территория, и вы стоите на нашей границе. И я говорю серьезно – я буду стрелять в ее нарушителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.